

Андрей Мигулин

НА ИЗЛОМЕ

Skleněný můstek 2015

Андрей Мигулин

На изломе

**SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015**

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

Книга рассказывает о трех эпизодах из жизни офицера войск специального назначения ГРУ ГШ Минина Андрея Александровича, оказавшегося по воле геополитических процессов развала Советского Союза на изломе двух эпох: социалистической и капиталистической.

Мигулин Андрей Анатольевич

Родился в 1967 году в городе Чудово Новгородской области. Детство, отрочество и юность провел в поселке Красногорск Ташкентской области Узбекской ССР. Окончил в 1994 году Ташкентский государственный педагогический институт по специальности: Учитель истории, обществоведения и основ права. Ташкентское Высшее Общевоинское Командное Училище по специальности: Офицер мотострелковых войск.

Служил в войсках специального назначения ГРУ ГШ. После выхода в запас продолжил трудовую деятельность в частных охранных структурах.

© Андрей Мигулин 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

ISBN 978-80-87940-74-7

Мигулин Андрей Анатольевич

Содержание

Военно-полевой роман

- 1**
- 2**
- 3**
- 4**
- 5**
- 6**
- 7**
- 8**

Смерть Железного солдата

Эпилог

Площадь

- 1**
- 2**
- 3**
- 4**
- 5**
- 6**
- 7**

*Посвящаю моей маме
Мигулиной (Назаровой) Тамаре Ивановне*

Военно-полевой роман

Справедливо утверждение: всякая любовь – счастье, даже несчастливая. Справедливость этого выражения можно признать полностью, без всякой сентиментальности: понимая это как счастье любви в самом себе, которая в присущем ей праздничном волнении будто бы зажигает сто тысяч ярких свечей в затаённых уголках нашего существования, чей блеск яркими лучами озаряет всех нас изнутри. Потому люди с истинной душевной силой и глубиной знают о любви ещё до того, как полюбили. Охваченный ею, человек зарождает настоящую полноту жизни в контакте с другим человеком, в нём высвобождается его творческая сила. Так дело всей жизни, вся внутренняя плодотворность и красота могут брать своё начало только из этого контакта, ибо это именно то, что для каждого человека означает «всё» – момент связи с недостижимой подлинностью вещей. Она – средство, при помощи которого с ним говорит сама жизнь. Жизнь, которая неожиданно становится чудесной, яркой, как будто говоря с нами на языке ангела, милостью которого она находит необходимые именно для него слова.

1

Старший лейтенант Андрей Минин стоял в строю и маялся. Шёл будничный утренний развод военнослужащих части. По его мнению, привычный ритуал затягивался, он всё никак не мог дожидаться его окончания. Начинало припекать жаркое среднеазиатское солнце, и саднило справа грудь. Андрей инстинктивно дотронулся до того места, где болело. Чуть слышно хрустнула многослойная повязка, влажно отлипая от кожи.

«Опа. Кажется, кровь протекла из-под повязки, как бы тельняшку не вымазать. Жалко. Только новенькую сегодня надел», – подумал он.

Старший лейтенант спецназа ГРУ Минин Андрей за последние четыре месяца первый раз попал на утреннее построение части.

Сначала он был в служебно-боевой командировке в одной из азиатских республик, потом был на излечении в госпитале по случаю касательного ранения груди. Группа разведчиков под его командованием попала под плотный миномётный огонь. Одна из мин рванула очень близко, метнув снап осколков ему в грудь. Офицера спас разгрузочный жилет, приняв основную часть удара на себя. Осколками разбило все автоматные магазины, что висели на груди, но два куса металла всё-таки добрались до незащищенного тела, рассекая его чуть выше правого соска. Первый обошёлся со старшим лейтенантом гуманно, просто сильно раскроил ему кожу. Эта рана зажила очень быстро. Идеально ровные края срослись за считанные дни, оставив только тонкий розоватый шрам. А вот второй, зазубренный осколок постарался на славу, оставив после себя безобразно-рваный след, глубоко впился в тело, остановившись, только встретив на своём пути ребро. Вот он-то и доставил Андрею массу неприятных мгновений, так как рана после него никак не хотела заживать. Пролежав около месяца в госпитале, Андрей выписался досрочно, уговорив врача тем, что пообещал ему долечиться в медико-санитарной части по месту службы.

Ему был положен отпуск по ранению. Но он, просидев неделю в общежитии для офицеров, где не было даже телевизора, начал понемногу изнывать от вынужденного безделья. К маме ехать не хотелось, чтобы лишний раз её не расстраивать своими повязками-перевязками. Читать быстро надоело, ехать в центр города, например в кино, лишний раз не хотелось, так как нужно было трястись часа полтора в автобусе только в один конец. И чтобы совсем не сойти с ума от ничегонеделания, он вышел на службу раньше, за две недели до окончания отпуска.

Когда построение закончилось, Андрей подошёл к ротному.

– Товарищ капитан, разрешите, до санчасти схожу, перевязку сделаю.

Капитан понимающе кивнул, а потом, улыбнувшись, добавил:

– Минин. Чего припёрся-то, сидел бы дома, книжки читал, в кино бы ходил и в госпиталь к сестричкам на перевязки. Все в «железного солдатака» играешь?! Да?! А теперь с твоей «царапиной» так получится, что ты вроде бы есть, а вроде как и нет тебя. Чуть что: «А где Минин?», «Как где, на перевязке».

Андрей улыбнулся в ответ:

– Сергеич. Да в общаге с ума сойти можно от безделья, и в центр с нашей окраины на автобусе часа полтора пилить. Никакого кино не захочешь. А в части при деле, рядом с ребятами, да и медсестрички у нас не хуже.

– Да ладно уж, оставайся, – и капитан, соглашаясь, махнул рукой. – Кстати, у нас говорят, в санчасти новенькая появилась. И говорят, что даже очень красивая.

– А вот мы сейчас сходим и проверим, товарищ капитан, что да как. Приду и сразу доложу по всей форме, – сказал Андрей, хитро поглядывая на командира.

– Да знаю я тебя, – сказал капитан, – ни одной юбки в санчасти не пропустишь.

И шутливо погрозив пальцем, добавил:

– Смотри, Александрыч, допрыгаешься – женю.

– Есть, – весело ответил Андрей, поднося руку к козырьку кепки. – Разрешите идти.

– Иди, иди. Как вернёшься, найди меня в роте.

– Есть найти, – и Андрей, развернувшись на 180 градусов спиной к капитану, сделал три чётких строевых шага, как положено по строевому уставу, но, не выдержав, обернулся, посмотрел на капитана и засмеялся. Капитан покрутил пальцем у правого виска, улыбнулся ему в ответ.

Они сдружились с капитаном за два года совместной службы и поэтому могли себе позволить пошутить друг над другом, но когда дело касалось службы, то авторитет командира был непререкаемым. Минин зашагал в сторону санчасти. Ротный посмотрел ему вслед. «Смотри, как помчался в санчасть. Как услышал про новенькую, так сразу уши торчком. Конечно, когда появляется перед тобой мужик под два метра, светловолосый, глаза под цвет голубых полос на тельнике, с подвешенным языком, да еще и офицер спецназа, не каждая, даже опытная женщина устоит. А он этим и пользуется, «гад»», – с легкой завистью думал он.

Спустя некоторое время Андрей подошёл к белому, огороженному невысоким забором двухэтажному зданию медсанчасти. Её территория была тщательно убрана, дорожки выметены, бордюры покрашены известью, а перед входом были разбиты две небольшие клумбы. Начальник медицинской части подполковник Ковальчук, а проще начмед Иваныч, слыл в бригаде требовательным и

справедливым офицером. Он был хирургом и врачом от бога, обладал твёрдым и не всегда уступчивым характером. Если он с чем-то или с кем-то не соглашался, то никогда не останавливался, пока не добьётся своего. Даже командир части старался не перечить ему. Он серьёзно увлекался народной медициной, знал почти все лечебные травы, из которых готовил по своим рецептам мази и снадобья, известные на весь Туркестанский округ.

Внутри санчасти царил рабочая суеда и пахло лекарствами. Сновали туда-сюда врачи, медсёстры, занимаясь своими делами. Тут же находились несколько солдат в больничной униформе из числа выздоравливающих – кто с тряпкой, кто с веником, кто на приём к врачу, а один из числа старослужащих помогал старшей медсестре выдавать лекарство больным. Он нёс торжественно за ней плоский ящичек с таблетками и микстурой, которые были разложены и разлиты в мензурки с написанными на них фамилиями.

Старшая медсестра, старший прапорщик медицинской службы Кротова Алевтина Павловна, была женщиной крупной, и за глаза в бригаде её называли мадам Грицацуева, по аналогии с героиней Ильфа и Петрова. Она всегда сама раздавала лекарства, строго следя за тем, чтобы солдаты принимали, а не выбрасывали их в мусор. Алевтина Павловна в юности была стройной и симпатичной девушкой, увлекалась парашютным спортом, на её счету более семисот прыжков, имела разряд по боевому самбо. У неё был любимый, лейтенант Женя, который служил в этой же части. Дело шло к свадьбе. Но тут началась война в Афганистане, и её Женя был направлен в ДРА. Алевтина Павловна последовала за ним. Эта война перевернула её жизнь с ног на голову. После перенесённого гепатита пошли осложнения, начались проблемы со здоровьем. Она стала стремительно набирать вес, и о самбо с парашютами пришлось забыть. В довершение всего её любимый, лейтенант Женя, погиб при выполнении боевого задания. Она очень тяжело пережила гибель своего Жени, так и не выйдя замуж, оставшись на всю жизнь «соломенной вдовой».

В общей сложности прослужив в спецназе уже более двадцати лет, Алевтина Павловна знала про службу спецназа столько, что могла заткнуть за пояс любого «спеца»¹. Она могла не только диагноз медицинский поставить не хуже любого доктора, но и при

случае крепко съездить по роже зарвавшемуся хаму. Всю свою не-
растрченную любовь она отдавала молодым девушкам, что служили
в медсанчасти. Поэтому все медсестры бригады находились под её
материнской опекой, и не приведи господь кому-то обидеть неза-
служенно «ёе девочку», в Алевтине Павловне просыпалась тигри-
ца, которая защищает своего ребёнка. Все помнят случай, когда она,
находясь в командировке, уложила одним ударом стодевяностосан-
тиметрового бугая – офицера из пехоты, после того как тот, будучи
пьяным, сильно оскорбил одну из медсестер. Так что Алевтина Пав-
ловна была в бригаде в почёте и уважении у всего личного состава
от солдата до командира.

А вот Андрея Минина она почему-то любила особенной,
материнской любовью, как родного сына. И поэтому, когда он поя-
вился в коридоре санчасти, Алевтина Павловна сразу поспешила к
нему, причитая на ходу.

– Да ты мой золотой мальчик, – сказала она, обнимая Ан-
дрея, – как же так получилось-то с тобой, ты же лучший у нас коман-
дир группы и не уберёгся.

– Мина, Алевтина Павловна, она же дура самая опасная, ни-
когда не угадаешь, где рванёт, – ответил Андрей, осторожно обни-
мая её, боясь задеть рану, – солдат, главное, сберёг.

– Да, солнышко, ты прав, солдатики важнее, они же совсем
ещё молоденькие и глупенькие. А как рана, – участливо продолжала
она, глядя на него с нежностью, – зажила?

– Нет, Алевтина Павловна, не зажила. Собственно, поэтому и
пришёл. Перевязку бы сделать. А то чувствую, кровит рана.

– А чего из госпиталя убежал так рано? Наверное, набедоку-
рил опять?

– Нет. Просто надоело валяться. Из-за одной перевязки в
день лежать нет смысла, а это и у нас можно делать. Да и по вам
всем соскучился, – сказал Андрей и чмокнул её в щеку.

– Ой льстец. Врёшь, но всё равно приятно, – ответила зардев-
шаяся Алевтина Павловна, – ну иди, иди, Иваныч пускай посмотрит,
он у нас в этом деле профессор.

– Это точно, Алевтина Павловна, Иваныч спец каких ещё по-
искать надо.

И, освободившись от объятий Алевтины Павловны, Андрей
вошёл в кабинет, на двери которого висела табличка «Начальник ме-
дицинской части в/ч № ... подполковник Ковальчук С.И.».

В небольшом, но уютном кабинете за столом сидел человек

в белом халате и что-то быстро писал. Тёмный ёжик его волос уже тронула ранняя седина, кустистые брови были сведены к переносице, крупные черты лица были напряжены, губы сжались в тонкую полоску.

«Что-то Иваныч важное, наверно, пишет», – подумал Андрей, продолжая рассматривать его.

Широкий разворот плеч, мускулистые руки хирурга, сильные кисти, в которых была почти незаметна ручка, проворно бегающая по бумаге. Под белым халатом, одетым на голое тело, угадывался мощный торс. Чувствовалась уверенная сила во всем облике начмеда.

«Да, Иваныч мужик, – восторгался Андрей, – его рукопожатие вообще может кисть сплющить».

– Проходи, присаживайся, – сказал подполковник, не поднимая головы, – сейчас допишу, и займёмся тобой.

Андрей молча сел на стул. Начмед дописал предложение, поставил точку и, бросив ручку, поднял голову;

– О! Минин! Привет!!! – радостно воскликнул он. – Ты каким ветром? – и вставая со стула, протянул ему руку.

– Попутным, товарищ подполковник, – ответил Андрей, отвечая на рукопожатие.

– Слышал, зацепило тебя серьёзно.

– Да как серьёзно, терпимо. Только вот не заживает зараза уже почти месяц.

– А что из госпиталя ушёл? Лечился бы там.

– Да там, товарищ подполковник, только мазью Вишневского мажут и всё, а она мало помогает. И чистили, и уколы кололи, да всё как-то без толку. Вот я и подумал, лучше к Вам. Вы своими травами да мазями быстрее на ноги поставите.

– Ой ли! Так уж быстрее! – довольно произнёс начмед.

– Конечно быстрее. Про Ваши травы и мази во всём округе знают. Даже в госпитале сказали: «Езжай к своему Ковальчуку, он тебя сам вылечит».

– Так вот и сказали? Ну-ну, – проворчал польщённый начмед, – давай в перевязочную, посмотрим тебя.

Затем поднял трубку одного из трёх телефонов, стоящих на столе, произнёс, дождавшись ответа:

– Лукошкину в перевязочную.

Андрей прошёл в перевязочную. Зная строгие порядки нач-

меда, он разулся, оставив ботинки у порога, и только потом вошёл в комнату. В комнате для перевязок все сияло стерильной чистотой, стеклянные шкафы с медикаментами, операционный стол, биксы² с перевязочным материалом и даже пара находившихся здесь стульев, казалось, блистали аккуратностью. Расстегнув и сняв камуфлированный китель, он посмотрел себе на грудь. На тельняшке, немного ниже повязки, алело кровавое пятнышко.

«Вот блин горелый, всё-таки испачкал тельник, – раздосадованно подумал Минин, – а кровь почти не отстирается».

Тем временем за спиной открылась-закрылась дверь и девичий голос произнёс:

– Добрый день.

– Добрый, – буркнул, не оборачиваясь, раздосадованный Андрей, занятый изучением пятна.

За спиной открылся стеклянный шкаф, загремели инструменты, заклацали замки биксов. Не оборачиваясь и не обращая внимания на звуки, наполняющие комнату, он стянул через голову тельняшку. Ещё раз придирчиво осмотрел пятно. Затем, повесив тельняшку на вешалку, обернулся.

Стоя к нему спиной, девушка в белом халате, в аккуратной белой шапочке деловито раскладывала на металлическом столике всё необходимое для перевязки. Халат, подогнанный по фигуре, очень выгодно подчёркивал стройность её талии. Красивые, загорелые, длинные ноги до коленей были прикрыты подолом. Чем больше Андрей смотрел на неё, тем сильнее у него перехватывало дыхание. От её фигуры веяло чем-то родным и до боли знакомым. Ему казалось, что он знает эти очертания давно, эти волнистые изгибы её тела, эти руки, эту нежную шею и этот упругий, с медным отливом завиток каштановых волос, что непослушно выбился из-под шапочки. И в то же время твёрдо понимал, что прежде он никогда не встречал этой девушки. На него вдруг нахлынуло неистребимое желание подойти к ней, обнять со спины за талию и, нежно поцеловав в шею, спросить: «Как дела, моя хорошая?»

Сердце застучало быстрее, участилось дыхание, его тело стала охватывать неведомая до сих пор истома. Он, конечно, понимал, что неприлично так сверлить взглядом незнакомую девушку, но никак не мог отвести от неё свой взгляд, он как бы напивался этим образом глаза, стараясь запомнить все чёточки такого неожиданно

милого и родного тела.

Девушка, почувствовав на себе этот упорный взгляд, на секунду замерла, затем обернулась и с улыбкой сказала:

– Товарищ старший лейтенант, вы так дырку во мне прожжёте своим взглядом.

Андрей, смущенно краснея, опустил взгляд к полу и, кашлянув в кулак, попытался ответить, но не смог. Спазм перехватил горло, и из него вырвался только сип. Скрывая своё смущение, он натужено закашлял и, отдышавшись, хрипло пробормотал:

– Извините, так получилось.

– А-а-а, понимаю, – довольно произнесла девушка и неожиданно добавила: – Меня зовут Дарья.

– А меня Андрей.

– Я знаю, – ответила она, – вы гвардии старший лейтенант спецназа ГРУ Минин Андрей Александрович, лучший из командиров групп части.

Андрей поднял глаза от пола и пристально посмотрел на неё. Но солнце, бьющее в окно, отсвечивало своими лучами и не давало разглядеть Дарью. Он видел только очертания лица и ослепительно-очаровательную белозубую улыбку.

– И интересно, откуда у Вас такая подробная информация про мою скромную персону, – заинтересованно спросил он.

– Военная тайна, – ответила она и попросила: – Сядьте, пожалуйста, на стул, я вам повязку сниму.

Андрей послушно сел, но больше не решался рассматривать Дарью, которая вновь повернулась спиной к нему. Он был огорошен своим неожиданным состоянием и никак не мог понять, что же происходит с ним на самом деле. Таких неожиданно теплых и приятных чувств он до этого момента никогда не испытывал.

Теперь Дарья находилась от него на расстоянии метра. На него вновь неистребимо наваливалось желание обнять её. Безотчетно повинувшись своим чувствам, он уже хотел сделать это, как до его обоняния донёсся неожиданно тонкий аромат, который пробился сквозь стойкое амбре лекарств, висевшее в комнате. Андрей потянул носом этот чудный запах, пытаясь разобраться в его природе. А запах, проникая в его сознание, вызвал удивительную дрожь, которая, начавшись с затылка, захватывала в своей стремительной атаке всё тело, терзая его упоительными покалываниями.

«Так ведь это от неё такой дух идёт, – подумал он, прикрывая глаза, втягивая в себя вновь и вновь идущий от неё аромат, – какой

же он милый и родной».

Дарья повернулась к Андрею и произнесла:

– Давайте, старший лейтенант, снимем вашу повязку, – в правой руке у неё блестели хирургические ножницы с изогнутыми лезвиями.

Теперь он получил возможность рассмотреть её лицо полностью.

На высокий округлый лоб до пушистых бровей вразлёт была надвинута медицинская шапочка. Большие карие с поволокой глаза, опущённые густыми ресницами, смотрели на него с любопытством и тревогой одновременно. Идеально правильный женский носик над чувственными чуть припухлыми губами и округлый изящный подбородок дополняли, как ему показалось, неземной девичий облик. И когда их взгляды встретились, Андрею вдруг показалось, что он провалился в эти прекрасные глаза, ухнув с обрыва в кофейно-молочный омут, стремительно летя по спирали вниз, замерев на полувздохе, как это бывает при парашютном прыжке.

«Это добрая фея спустилась ко мне с небес, – почему-то подумалось ему, – неземная фея!»

Тем временем Дарья нагнулась к нему, нижним изогнутым и округлым на конце лезвием хирургических ножниц подцепив край повязки, начала проталкивать его дальше, стараясь охватить им всю ширину бинта, чтобы разрезать его одним движением. Холодная сталь ножниц ожгла на миг разгорячённую кожу. Андрей инстинктивно вздрогнул.

– Что? Сделала больно? – тревожно воскликнула Дарья, заглядывая с ужасом к нему в глаза.

– Нет. Ножницы холодные. Я от неожиданности. Извини, – ответил Андрей срывающимся на полушёпот голосом. – Продолжай.

– А я подумала, что рану нечаянно зацепила, – облегчённо вздохнула Дарья, – больше не дергайтесь так, товарищ старший лейтенант, а то пораню ненароком, – уже строже добавила она.

– Не буду. Извини — ответил он прикрывая глаза

Дарья нажала на кольца ножниц, и в наступившей тишине послышался треск разрезаемой марли.

Андрей приоткрыл глаза, и его взгляд остановился на распахнутом вороте халата, через пройму которого он увидел её прелестные груди, которые мирно покоились в чашечках кружевного бюстгальтера. Неистребимый жар желания рванул от живота к голове,

мгновенно взбудоражив кровь.

«Бог мой. Родная, как я хочу обнять тебя», – безумно застучало в его голове.

Он оторвал руки от стула, на котором сидел, поднимая их для объятий, теряя остатки разума.

– Ну, где там наш раненый, – неожиданно громогласно прозвучал голос начмеда, который незаметно для Андрея вошёл в переплывочную.

Слова Иваныча подействовали на Минина как ушат холодной воды, отрезвляя и возвращая к действительности. Он сконфуженно опустил руки. А Ковальчук тем временем продолжал:

– Даша. А что это у нас старлей такой красный сидит? Ты его что, пытаешь тут?

– Не знаю, Сергей Иванович, он что-то вздрагивает постоянно. Жалуется, что ножницы холодные, – ответила Дарья с легкой иронией в голосе.

– Нет, Даша. Это он на тебя, наверно, так реагирует. Может, влюбился с первого взгляда, – продолжал ёрничать Ковальчук.

– Да нет, – отвечала в том же духе ему Дарья, – он не может, он же «Железный солдат».

Андрей не выдержал.

– И ничего я не влюбился. Просто жарко сегодня. Вот и всё, – промямлил он и, понимая, что сморозил глупость, стушевался ещё больше, краснея до неприличия.

– Ну ладно, ладно, хватит, – примирительно сказал Ковальчук. – Лукошкина, показывай, что там у него.

«Луко-о-ошкина, – мысленно нараспев повторил Андрей, – какая созвучная имени и вкусно звучащая фамилия. Лукошкина Дарья».

Между тем Дарья, разрезав повязку до конца, осторожно сняла её, обнажая багровый, сочащийся сукровицей, рваный двадцатисантиметровый след от осколка. Сняла и, посмотрев на рану, неожиданно коротко всхлипнула. Поражённый такой неожиданной реакцией Андрей посмотрел на неё. В уголках её глаз дрожали слёзы, уже готовые сорваться вниз, а взгляд выражал столько боли, жалости и сожаления, что у него похолодело в душе.

«Что это она так бурно реагирует на мою «царапину». Опыта нет или как...» – подумал он.

Но домыслить ему не дал голос начмеда.

– Да-а-а, Минин. Постарались «духи»³ на славу. Распахали так распахали. На всю жизнь метку оставили. Первый шрам-то со временем почти исчезнет, а этот останется, – участливо протянул Ковальчук.

– Да ладно вам, товарищ подполковник. Одним больше, одним меньше, я ещё лет пять послужу, так как зебра полосатым стану.

– Сплюнь, Минин, сплюнь, – суеверно махнул рукой Ковальчук, – пусть он будет последним. Так ведь, Лукошкина.

– Так, – слёзно ответила Дарья и, отвернувшись, стала переключивать с места на место инструменты, хотя в этом никакой необходимости не было.

Ковальчук вопросительно дёрнул бровями вверх, глянул на Дарью, потом на Андрея и удивлённо пожал плечами, дескать, ничего не понимаю.

Затем он заставил его лечь на кушетку и, протерев руки спиртом, начал колдовать над его раной. Дарья хлопотала рядом, подавая ему необходимые материалы и инструменты.

Андрей лежал, закрыв глаза, лишь иногда кривя лицо, когда врач, прочищая ему рану, делал больно. Он думал о Дарье, думал о себе, стараясь разобраться в новой природе своих ощущений. Всё, что произошло с ним за последние пять минут, не вписывалось в рамки его бытия. Можно даже было сказать, что он был слегка напуган тем каскадом чувств, что внезапно обрушились на него.

– Так, – раздался над ним голос начмеда, – рану мы твою почистили, теперь надо мазь наложить, чтобы всю гадость из раны вытягивала. Как специально для тебя изготовил по новому рецепту вот только вчера, так что дня два-три, и пойдёшь на поправку, а через недельку и вовсе снимешь повязку.

– Спасибо вам, Сергей Иванович, – ответил, не открывая глаз, Андрей, – что бы мы без вас делали.

Слышно было, как загремели склянки. Неожиданно на лоб Андрея легла нежная девичья рука. Он открыл глаза. Над ним склонилась Дарья, она смотрела на него с любовью и добрым участием.

– Так как себя чувствуешь, Андрюша? Очень больно? – мягко спросила она.

Андрей, улыбнувшись, ответил.

– Что ты, Дашенька. Совсем нет. Это как комар кусает. Не больно, но неприятно.

– Вот и хорошо, – улыбнувшись в ответ, произнесла Дарья и провела рукой по его щеке.

И когда рука скользила по его щеке, он, не удержавшись, быстро повернув голову, поцеловал её в ладошку. Она резко отдернула свою руку. Но чувствовалось, что в этом жесте не было неприязни или брезгливости, просто сработал эффект неожиданности и стыдливости. Что она и подтвердила красноречивым взглядом, брошенным в сторону начмеда, который, стоя к ним спиной, размешивал стеклянной лопаткой в медицинской ступке мазь. Потом, сделав дурашливо-испуганное лицо, погрозила ему пальчиком.

Андрей лежал, глядя на Дарью, и улыбался во все свои тридцать два зуба. Ему было необычайно хорошо. Он смотрел на её милое лицо, и ему казалось, что мир вокруг пропал. Только он и она. Теперь, глядя на эту девушку, появившуюся в его мире так внезапно, он четко и осознанно почувствовал, что к нему быстрым шагом приближалась она, *Любовь*. Именно *Любовь*, с большой буквы Л, которая приходит к человеку единожды во всём своём великолепии и остаётся с ним до конца. *Любовь*, когда ты всеми клеточками своего тела и своего сознания ощущаешь, что эта женщина истинная твоя половинка.

Наконец Ковальчук закончил колдовать над мазью и подошёл к Андрею. Осторожно наложив мазь на рану, он прикрыл её стерильной салфеткой. Затем, не обращаясь за помощью к медсестре, сам крепко перебинтовал ему грудь.

– Ну, пока всё. Значит так, повязку два дня не снимать, не мочить. И потом на перевязку. Первое время будет дёргать рану, но потом пройдёт. Если что не так, сразу ко мне. А пока... гуляй.

Начмед хлопнул его по плечу и направился к умывальнику мыть руки. Дарья, сделав сосредоточенный вид, наводила порядок на столе после перевязки и как будто бы совсем не обращала внимания на Андрея. Задетый за живое таким, как ему показалось, неожиданным невниманием к себе, Минин встал, оделся. Затем сказал, обращаясь к стоящему к нему спиной Ковальчуку:

– Спасибо, товарищ гвардии подполковник.

– Пожалуйста, – донеслось ему в ответ.

– И Вам спасибо, товарищ медсестра, извините, не знаю Вашего звания.

– Ефрейтор, – отозвалась Дарья.

– Спасибо и Вам, товарищ гвардии ефрейтор, – со значением повторил Андрей.

– Пожалуйста, товарищ гвардии старший лейтенант, – весело откликнулась девушка, поворачиваясь к нему, и, дурачась, приложила растопыренную пятерню к шапочке, – ежели что... обращайтесь. Всегда рады помочь!

Андрей пристально посмотрел ей в глаза, и сердце его затрепетало от радости. В её глазах читался явный призыв к продолжению знакомства и обоюдной радости от произошедшей встречи. Он, слегка смутившись, козырнул в ответ и вышел из комнаты.

2

Минин шёл по дороге, не замечая происходящего вокруг. В его душе бушевал шторм из чувств и страстей. Дело в том, что Андрей полтора года назад пережил личную трагедию, развод. Он очень сильно любил тогда свою бывшую жену Татьяну и не замечал, а скорее всего не хотел замечать, что творилось вокруг. Когда он возвращался домой из своих служебно-боевых командировок, то всегда находились «доброжелатели», которые рассказывали или намекали ему о неверности его жены. И о том, что в его отсутствие жена строгостью нравов не отличалась, что её часто видели нетрезвой и в сомнительных компаниях. Но Андрей был ослеплён своей любовью и один раз даже ударил одного из таких «доброжелателей». Он не верил никому. Он слишком сильно, как ему казалось, любил свою жену. И так продолжалось до тех пор, пока в один из обычных дней к нему на службу не приехала жена одного из прапорщиков, служившего с ним в одной части. Вызвав его на КПП, она, плача, рассказала об интимной связи своего мужа с его женой и о том, что в данный момент они вместе находятся в его квартире. Почему-то ему поверилось сразу. Безумная злоба охватила его, ему захотелось крушить, ломать всё вокруг, и он, не удержавшись, кулаком с размаху пробил дыру в деревянной двери КПП, вымещая на ней свою слепую ярость. Затем, поймав такси, помчался домой.

Поднявшись на свой этаж, Минин хотел с ходу высадить ногой дверь и, ворвавшись в квартиру, убить обоих, но удержался. Скорее всего, его удержала мысль о том, он так не хотел этому верить, что это всё неправда и что жена ему верна и ждёт его, приготовив ужин. Андрей осторожно открыл дверь и прошёл в квартиру. Сердце оборвалось, проваливаясь в бездну. Квартиру наполняли стенания и восторженные восклицания вошедших в блудливый

азарт любовников. Он осторожно прошёл к полуоткрытой двери их супружеской спальни, где его взору представилась следующая картина. Жена Татьяна, обнаженная, безудержно скакала верхом на голом, распластавшемся под ней прапорщике, начальнике автомобильного склада части, полурусском, полуузбеке. Андрей даже толком не знал, как его зовут. Прапорщик, стenea от удовольствия, закрыв глаза, лапал её своими руками то за попу, то за грудь. Татьяна же, привычно запрокинув руки за голову (это была её любимая поза), ослепленная своим грехом безумно выкрикивала слова и фразы, которые говорила всегда Андрею в час любви и которые, как он считал, предназначены были только для него. В груди Минина вспыхнул всепожирающий огонь. Нет, он не кинулся их убивать, любовники, занятые собой, даже не заметили его присутствия, он просто стоял и смотрел, а огонь в его груди разгорался всё больше. В этом огне сгорала та безумная любовь, которую он испытывал к своей жене, сгорала его совесть, которая не позволяла ему изменять своей супруге, горело счастье, радость и всё то, что связывало, как ему казалось, нерушимо с этой женщиной. Горело всё и покрывало толстым слоем пепла его сердце, вмиг огрубевшее и почерствевшее. Ушла злорада, ушла ярость, остался только холодный рассудок и чувство безразличия.

Он просто достал сигарету, закурил и, неспешно затягиваясь, продолжал наблюдать за любовниками. Сигарета быстро догорела. Андрей, с сожалением посмотрев на окурок, бросил его коротким щелчком в сторону неугомонных любовников. Окурок, описав плавную дугу, приземлился точно на грудь прапору, выбив из себя сноп искр, опаляя разгоряченных любовников. Татьяна, взвизгнув, соскочила на пол, суматошно стряхивая с себя горячий пепел. Следом, грязно ругаясь, вскочил и прапорщик. Андрей сделал шаг, входя в комнату.

– Привет. Не обожглись? – спросил он бесцветным голосом.

Татьяна повернулась, её глаза расширились от ужаса.

– Не-е-ет!!! – истерично закричала она, пятясь от Андрея спиной.

Прапорщик, повернувшись на её крик, изумленно уставился на неожиданно появившегося в комнате мужа Татьяны. Андрей сделал навстречу ему мягкий полшаг, левой ногой вперёд, занося её немного в сторону и перенося на неё центр тяжести своего тела, со всей силы впечатал кулак правой руки точно в нос прапора. Громко хрустнуло, прапорщик, теряя сознание, полетел спиной вперёд,